

А. ФЛИТ и
Б. Шаховский

БРАТЯ
ПИСАТЕЛИ

А.А.ФЛИТ

БРАТЯ ПИСАТЕЛИ

(Литературные негодии)

ШАРЖИ Б. МАЛАХОВСКОГО

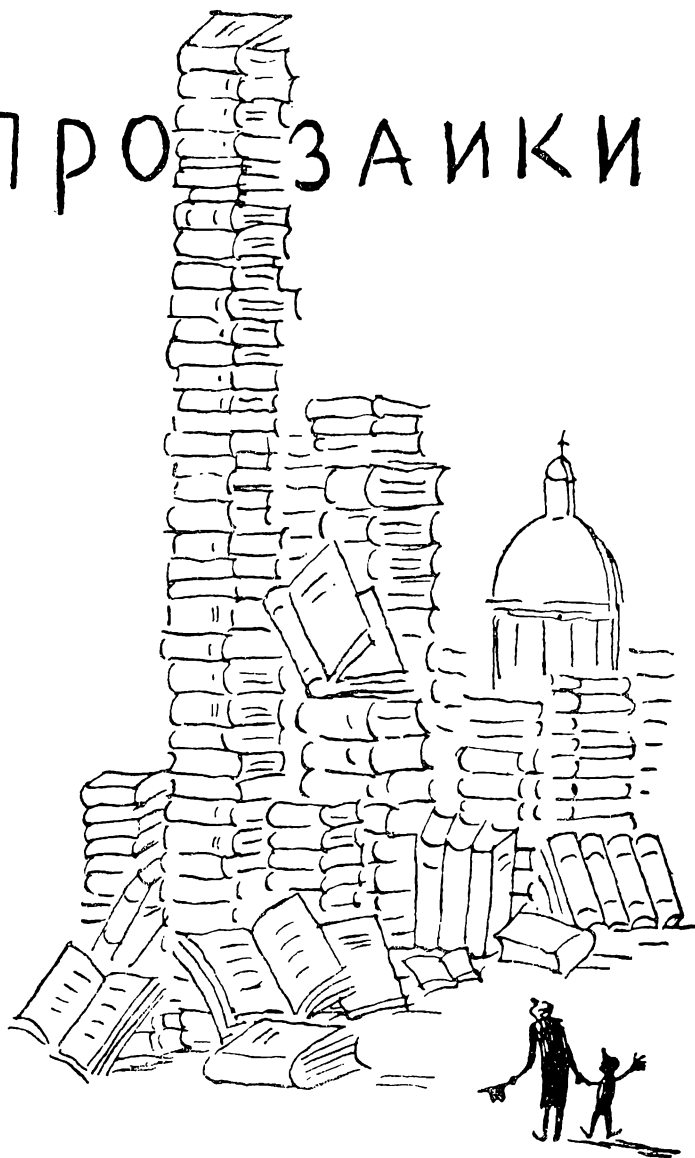
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
„ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА“
ЛЕНИНГРАД 1935 г

Переплет работы
Б. МАЛ-ХОВСКОГО

Редактор
В. ДРУЗИН

Техн. редактор
Н. ДЕМБОВА

ПРОЗАИКИ

ЮЛИЙ БЕРЗИН

ВОЗВРАЩЕНИЕ ОДИССЕЙЧИКА

Медленно перерождающийся в казахстанской степи писатель Одиссейчик втянул в тщедушные ноздри сладкий обворожительный запах тлеющего кизяка... Кто раз понюхал августовский кизяк, тот навсегда утратил душевное равновесие.

Однако Одиссейчиком овладело уныние.

— Ну, кто вы такой, между нами говоря? Вы — городской нуль. Вы не умеете смотреть за степные горизонты, ездить верхом на иноходце, варить пшеничную кашу. А знаете ли вы основы геологии? И что такое крест простирания? Можете ли вы не мыться трие суток подряд и спать на грязном полу?

Увы, Одиссейчик не знал основ геологии, не умел ездить верхом на иноходце и варить пшеничную кашу.

Целыми днями слегка посвежевший Одиссейчик смотрел на степь... Мало-помалу он стал различать невооруженным глазом в степи геологов, сусликов, траву, шурфы, сопки, верблюдов и казаков.

Казаки были дики, не мылись, не причесывались со времен Тамерлана, сидели на корточках и пили кумыс.

«Монголы, Азия!» — подумал Одиссейчик, перерождаясь с большим трудом.

Прошло двести страниц с гаком.

Одиссейчик варил пшеничную кашу, стрелял в басмачей и разбирался в основах геологии.

«Ну вот, теперь вы стали вполне приличным строителем социализма» — радостно подумал Одиссейчик, переродившись на 85,6 процента.

Он изумленно поглядел на горизонт и за горизонт.

Кругом росли фабрики и заводы, колхозы и совхозы, шахты, электростанции, большие и малые дома.

Казачи начали понемногу мыться. Молодежь поступала на рабфак и тянулась к свету. Лошади кушали овес и сено. Волга величественно и плавно впадала в Каспийское море.

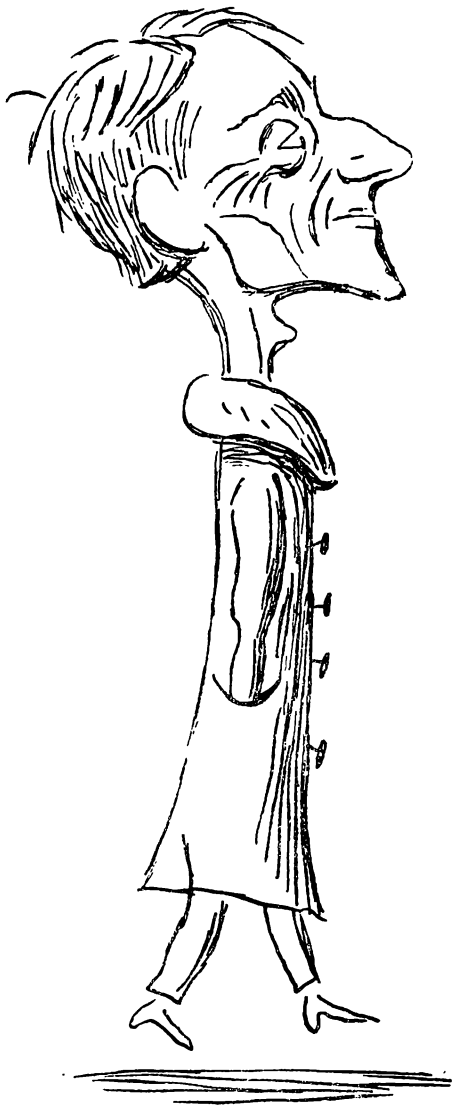
Переродившийся на все сто Одиссейчик впервые заметил, что прошло семнадцать лет могучего Октября и что жизнь стала совершенно неузнаваема.

Сделав такое историческое открытие, потрясенный всем видимым, Одиссейчик поспешил вернуться на свою Итаку. Он с удовольствием и внутренней гордостью прочитал на входных дверях на карточке:

*Писатель Юлий Одиссейчик.
Гомеров просят не беспокоиться.*

ЛЕОНИД БОРИСОВ

МАМА, ПАПА, ДЯДЯ, ТЕТЯ И ДРУГИЕ

(ПЕТЕРБУРГСКАЯ СТОРОНКА)

Съев двенадцать бутербродов с чайной колбасой и выпив шесть стаканов крепкого чая с сахаром внакладку, небритый дядя Паша снял штаны, кальсоны и носки. Икнул. Высморкался с помощью двух пальцев на пол. Растопырил грязные пальцы на ногах и, медленно покачиваясь на кровати, стал врать про чертей и покойников.

Сухонькая, бледненькая, бедненькая мама убирала со стола.

Тетя Феня поминутно прикладывалась к стаканчику. Было душно. Коптела лампа. Пахло уборной, кислыми щами и еще чем-то противным.

На кухне постучались. Дверь отворилась. Вошел папа Митрофан Васильевич. На рыжих усах его застыла сосулька.

Папа не спеша разделся, снял с себя ремень и, втиснув Колькину голову между триковых штанов, на всякий случай стал сечь сына.

Мама охнула и заплакала.

Охнула бабушка Прасковья Петровна и завозилась на лежанке.

Дядя Паша поврал с полчасика и захрапел.

За окном завывала вьюга, городской свистел на углу Малой Плуталовой улицы.

За стеной кто-то тяжело и нудно матерился. Под полом пищали крысы и скреблись мыши. За обоями шелестели тараканы.

По теткиной перине ползли теплые разморенные клопы.

Дядя Паша заскрипел зубами и повернулся на другой бок.

Бабушка мирно посвистывала левой ноздрей. Тетя охала и посапывала во сне ртом.

Колька всхлипывал во сне и почесывал часть пониже спины, которая ныла от порки.

Папа Митрофан Васильевич храпел баритоном, дядя Паша низким басом.

Светало, серело, морозило. Пахло щами, кошками и еще чем-то кислым.

НИКОЛАЙ БРЫКИН

ПРИТАИВШИЙСЯ ПОЛКОВНИК, ИЛИ БАТЫЙ С БЕНЗИНОМ

ВСТУПЛЕНИЕ

Товарищ Коцюра любезно вынес мне порыжевший пук тетрадей.
— О це, побачьте, яка така намалевана.
Я жадно прочитал содержимое. Вот оно:

ТЕТРАДЬ ПЕРВАЯ

Я — притаившийся до поры до времени небезызвестный белый гад, полковник Сорока, дроздовец, капелевец и мамонтовец, во образе счетовода из потребиловки, ненавижу большевиков и всю советскую власть. Так бы и съел их со всеми потрохами.

Большевики привезли в станицу тракторы. Что-то будет? Не сплю, не ем — все подсматриваю. Худею. На питание не опираюсь. Не обтираюсь. Не моюсь. Не причесываюсь. Не чищу зубов, — занимаюсь исключительно тем, что ненавижу советскую власть.

ТЕТРАДЬ ВТОРАЯ

Большевики подбивают казаков на совместную обработку земли. Какой ужас! Казаки, на вас смотрит все белое движение. Не подкачайте!

Его превосходительство генерал Май-Маевский душился Лориганом-де-Коти, а тракторы воняют бензином. Я задыхаюсь.

Доколе это будет продолжаться?

ТЕТРАДЬ ТРЕТЬЯ

Всю ночь под окном брехали собаки. Я заметил: лягавые и фокстерьеры лают тенором, дворняги—басом, а все прочие породы — баритоном с присвистом.

Неужели же никто не плюнет в радиатор Катерпиллера? Холуи! Мерзавцы! Шкурники! Свињи! Труссы!

Люблю выступать в белых ролях в драмкружке. Мне снилось, что я — барон Врангель и что я дочиста разгромил всю Красную армию.

Проснулся весь в поту, а тракторы стрекочут.

Доколе, о господи?

ТЕТРАДЬ ДЕСЯТАЯ

На этих днях кто-то что-то про кого-то рассказывал. Сердце забилось с новой силой: есть еще слухи на свете!

Тракторы пыхтят во-всю. Казаки, как вам не стыдно?!

Доколе, о мать пресвятая богородица?

ТЕТРАДЬ ДВЕНАДЦАТАЯ

Ночью кто-то где-то мужественно вывинтил большевистскую гайку. Ура! Есть еще порох в пороховницах! Я все подслушал в форточку ячейки, вися вниз головой на карнизе и рискуя хроническим бронхитом.

Проклятые тракторы громыхают прицепками. Доколе же, господа большевики?

ТЕТРАДЬ ТРИНАДЦАТАЯ И ПОСЛЕДНЯЯ

Боже, что мне делать? Тракторы на полном ходу. Казаки, что вы смотрите? Чего вы ждете, сукины дети?! Это же Батый с бензином надвигается на ваши мирные поля!!!

Помираю. Вернее, вынужден застрелиться, так как того хочет выдумавший меня автор — Николай Брыкин. Боже, что он сделал со мною? Он заставил меня совершенно зря суконным языком исписать тринадцать тетрадей хорошей чистой линованой бумаги, чтобы в конце концов напялить на меня старый офицерский мундир с погонями и сунуть мне в руки наган. Того требует композиция романа.

Протестую, но подчиняюсь насилию. Ну, попадись мне этот Брыкин!..

Ю. ГЕРМАН

СТРАДАНИЯ МОЛОДОГО ГЕНРИХА

Их либе дих.
Я люблю тебя
(Гете. Письма, III, 645.)

Юдифь... Желанная Юдифь...
Я иду по улице...
Левый ботинок жмет в подъеме.
У нее было смуглое тело и хорошие бедра.
Юдифь, я люблю тебя...
Она замечательно натиралась греческой губкой и шершавым полотенцем...
Они толкнули меня.
У нее было розовое тело.
Бедное дитя.
«Врач зубной на бормашине...».
Я хочу есть.
У нее были миндалевидные ногти оранжевого цвета.
Юдифь, ты не забыла меня? Я не люблю тебя.
Да, да, да, да... Я хочу жрать!
Антрекот. Котлетка. Свиной бок с кашей и сосиски с пюре.
Еще кружку мюнхенского...
Она целовала полураскрытым ртом. От нее пахло смесью хвойного экстракта, хлородонта и пудры «Лябяжий пух»...
Я буду работать. Много работать.
«Врач зубной на бормашине...»
Почему я иду пешком, когда папа ездит на роскошном «Каделяке»? Правая мозоль не дает покоя.
Когда я ел в последний раз?
Бедный, бедный крошка...
Ау, мальчик! Ты хочешь фрессен? Лопать? Шамать? Трескать?

Куру с рисом? Тетерку в сметане? Куропатку с брус-
никой?!

Юдифь, стройная содержанка, у тебя были темно-
розовые плечи...

Может, перехватить у папаши тыщонку-другую?

Не могу же я не съесть ни одного бифштекса с кро-
вью?!

Нет, ни за что!

Как он мне дал по морде! Профессор-Идеалист! Ман-
жета его затрещала, сверкнула запонка, и он дал мне
затрещину.

Бедное дитя!

Я целовал ее рано утром под романсы Шуберта...

«Врач зубной на бормашине...»

Сейчас папа сидит за столом в роскошной нашей
столовой, ест яичницу с ветчиной и запивает кофе со
сливками.

Окно раскрыто. Пахнет розами.

А я ем дермо.

Я не хочу дерма. Я хочу шелковую пижаму и такую
же женщину...

И чтоб пахло жасмином.

Бедный, маленький бэби...

Она чудесно разрисовывала брови и ресницы.

Юдифь, ты слышишь меня? Я есть хочу...

По взрезу бледнозеленого сыра стипль-чез катится
тяжелая и горькая слеза.

Я не могу переродиться.

Я пойду домой к маме и папе.

«Врач зубной на бормашине...»

АДАМ ДМИТРИЕВ

МАКАР АДМИРАЛОВ

Сухой и стройный капитан второго ранга фон Габенихтс устало стоял, прижимаясь бедром к столу, и, скучая, слушал военкома Бызлова.

— На данной стадии развертывания революции нельзя оставаться нейтральным, Альфред Ричардович, — гудел военком.

«Какой у него грубый и некультурный голос» — поморщился в своем жестком безукоризненном воротничке кавторанг фон Габенихтс.

— Японское командование осуществляет вехи все той же великодержавной политики японской экспансии на Восток, о которой...

«...и мозоли на руках, и ногти тупые... Должно быть, из бывших слесарей или сапожников... Может быть, даже бывший пьяница?»

Кавторанг машинально поглядел на свои холеные породистые руки и закурил папиросу... «Чего он пристал ко мне?»

— Мы, материалисты, утверждаем, что законы исторического процесса...

«Ну, конечно, он или столяр или сапожник. Фи, какой неотесанный!» — подумал кавторанг и зевнул.

— Имперйализм как высшая стадия капитализма. Слыхали? — молодым голосом, уверенно и четко печатал комиссар.

«Ску-ушно, мне хочется забыться...» — подумал фон Габенихтс, вспомнив Наденьку. Кого она там родила на Дальнем Востоке? Сына или дочку? И родила ли

вообще? Фон Габенихтс помнит Наденьку восемнадцатилетней, потом девятнадцатилетней...

— Альфред Ричардович, — металлически прозвенел голос Бызлова, — что вы скажете по поводу последних японских шахер-махеров?

«Упрощенец, но симпатичный» — подумал фон Габенихтс и втянул шею в стоячий воротник.

— Эх брат, чумиза гречневая у тебя в башке, — ласково сказал Тишка Бызлов и пошел прочь из капитанской каюты.

У левого борта разговаривали двое: Хрущев и Свищев.

— Эй ты, ядрена палка, харчанем сегодня кандибобером?

— Я те настропаю в хайло, — весело заржал собеседник, крутя козью ножку.

— Ить, што за хреновина получится? Видали суку? Бражка домой ловчится, а он, туды его растуды, к китаёзам?

— Помордоколют, как пить дать!

— А бабца-то, бабца какого подцепили?

— Цыц, кобель окаянный!

Мимо матросов, неся все великолепие своего женского двадцатисемилетнего организма, дыша морем, лориганом и крепдешинном, шла Евгения Петровна Раздольская.

Вечерело. Из-за сопок вставал сизый туман. За бортом у стенки палили свиней, и сочный трехъярусный мат густыми клочьями повисал над бухтой.

М. ЗОЩЕНКО

ПОТЕРЯННАЯ СТАРОСТЬ

ПОВЕСТЬ С КОММЕНТАРИЯМИ

Глава I

НЕВЕСЕЛЫЕ КАРТИНКИ

До тридцати лет человек прыгает на двух ногах как ни в чем не бывало. Он преспокойно тратит свое драгоценное здоровье, селезенку там, печеньку и разные другие микроорганизмы, — я не доктор.

Он тратит и растрчивает эти насущные органы, притаившиеся там и сям в затхлых углах нашей утробы, и не отдает себе отчета в своих мелких и пошлых поступках.

А потом морда у него внезапно тускнеет, нос свисает довольно спелой брюквой вниз, и глаза с грустью и отвращением взирают на бутерброд с голландским сыром или, скажем, с паюсной икрой, и кушать ему не хочется.

Ему не хочется кушать эти примечательные бутерброды, эти роскошные куски нашей вегетарианской жизни. Он спешно выезжает на разные грязи и эссен-туки со своей болячкой, чемоданом и клизмой.¹

Глава II

ВЕЧНАЯ МОЛОДОСТЬ И ПРОСТОКВАША

Некоторые пожилые мудрецы и полуавторитетные старцы, спустившись с научных высот и последив за мелкими свойствами своего запущенного тела, утверждают, что простокваша, эта довольно серая и скучная молочная диета, может обеспечить человеку длительное и даже роскошное существование.^{2, 3}

Однако автору в дни его безмятежной юности, среди цветочков и навозных жучков, был известен человек, прокушавший на кислом молоке небольшое состояние своей мамы и «сыгравший в ящик» от простого насморка.⁴

Глава III

ПОГИБШЕЕ ЗДОРОВЬЕ

За последние несколько столетий здоровье тщедушной интеллигентской прослойки несколько пошатнулось.⁵

Оно пошатнулось и треснуло по всем швам изъеденного молью организма.

Автор — не врач по профессии, но ему кажется, что кое-чего он в этом деле смекает. Что — к чему и отчего получается разная хурда-мурда в здоровьи населения. На этом автор решил закончить свои научные изыскания и приступить к повести.

КОММЕНТАРИИ

¹ Идеалист Фридрих Шиллер (1759—1805) имел крепкий стул. Долгое время он не понимал, почему в своих пьесах он разводит разную шиллеровщину и беленится из-за всякого пустяка. Несколько хороших клистиров из разных там полуслабительных вод и минеральных источников вернули Шиллеру душевное равновесие.

² Гуманист Эразм (Дезидерий) Роттердамский (1466—1536) прожил до семидесяти лет и всю жизнь отличался прекрасным аппетитом. За пять минут до смерти он съел пару яиц и съел бы еще пару, если бы в этот момент не потерял сознания.

³ Греческий философ Анаксагор (500—428 до нашей эры) жил безвыездно в Греции и не выезжал ни на какие курорты. Однако он дожил до семидесяти двух лет и умер не узнав, что такое клизма.

⁴ Лермонтов (1814—1841) не ел простокваши и не страдал насморком. Тем не менее он погиб на дуэли в Пятигорске двадцати семи лет отроду от руки Мартынова.

⁵ Лев Толстой в восемьдесят лет скакал верхом на мустанге, а Фредерик Шопен, этот прелестный сочинитель ноктюрнов, скончался от чахотки тридцати девяти лет почти на руках Жорж Занд.

В. КАВЕРИН

ИСПОЛНЕННЫЕ ЖЕЛАНИЯ

1

Молодой медик Тимофеев взял под-руку юного Чешихина.

Они весело надели пальто, смеясь, влезли в галоши, весело вышли на улицу и на углу проспекта бодро сели в автобус № 2, маршрута Финляндский вокзал — Балтийский вокзал.

Поезд уже отходил в составе десяти вагонов, не считая багажного, но молодые люди, бодро уцепившись за поручни, успели задорно вскочить на последнюю площадку последнего вагона. И поехали в Новый Петергоф кататься на лыжах.

В Новом Петергофе они пришли на лыжную станцию. Кругом была зима. На полях, лугах и деревьях лежал совершенно белый снег.

Тимофеев с приятелем сняли пальто, надели пьексы, встали на лыжи и отправились кататься по живописным окрестностям.

С горы они катились быстро, а на гору — медленно.

Накатавшись и проголодавшись, они вернулись на лыжную станцию, сдали лыжи, надели зимнее пальто и галоши, поехали на вокзал, сели в подошедший поезд и вернулись по железной дороге в Ленинград. И тотчас же сели обедать.

Профессор Сучков жил на Васильевском острове и таинственно ненавидел профессора Брандмауэра.

Профессор Брандмауэр жил на Петроградской стороне и в свою очередь таинственно ненавидел профессора Сучкова.

Они десять лет не цитировали друг друга в научных работах.

Узнавший об этом аспирант Тромбонов однажды вечером сидел в профессорской семье за чайным столом и пил чай с сахаром внакладку и с булкой.

Все сидели на стульях вместе с седовласым профессором — мировым именем — и пили чай, прожевывая бутерброды с чайной колбасой. А на улице была зима. Падал с неба снег.

Лицо у Тимофеева было широкое, нос курносый, руки грубые, волосы обыкновенные. Рост средний.

Тимофеев мальчиком чуть не умер от голода.

Он родился в Среднем Поволжье, но вырос и переехал в Ленинград. Говорил мало, молчал много и учился хорошо.

Звенели трамваи. Шли пешеходы. И изредка пробегали собаки.

•

МИХАИЛ КОЗАКОВ

Точка, точка, запятая...

РОМАН

КНИГА I

Гранитные шали набережных матушки Екатерины томно обволакивали красавицу ля белль Неву с ее роскошными рококо и барокко. Царственные ступени легко и плавно ниспадали в лоно смуглых вод. Нева Бенкендорфа и Николая I, Пушкина и Гоголя, Столыпина и Витте, Дурново и Горемыкина катила свои воды мимо сфинксов Аменхотепа XV.

Петербург — гордость генералов и интеллигентных присяжных поверенных, шикарных кокоток и золотушных провизоров—лежал блистающим перламутром на темном бархате истории.

Эрмитаж, Гваренги, Растрелли, Росси, Трезини, Фельдт, Монферан, Тома де Томон, Захаров, Воронихин... Заря великодержавного романтизма пополам с сервизом на костях рабов.

Загадочный сфинкс на болоте в гвардейском мундире с аксельбантами... Тени шпицрутенов на фоне ресторана «Контан» с его котлетами де-воляй и пленительным смычком румынского скрипача Гулеско!

Член Государственной думы Павел Львович Краснобаев, симпатичный видный интеллигент, с каштановой бородой и карими теплыми глазами, ехал на вокзал на извозчике и думал:

«Вот она, Россия... Загадочная страна дворян, чи-

новников и мужиков... Нужен ли он, Краснобаев, России?»

Было приятно думать о себе, сидя в уютном экипаже после сытного, но не тяжелого обеда (Сонечка чудесно готовит осетрину англез), чувствовать себя умным, интеллигентным и талантливым членом Государственной думы и нежным отцом семейства. Хотелось скорее сесть в поезд, в купе международного вагона, и говорить, говорить без конца о доме, о людях, о свободе, о конституции... Поезд тронулся. За окном побежала Россия, Россия уездов, исправников, жандармов, зуботычин, беременных баб и угрюмых мужиков...

Солнце клонилось к закату.

КНИГА II

Глава 27-я

...Неизвестный рыжий мужчина в кепке и толстовке на выпуск на цыпочках подошел к таинственному ларьку на рынке и три раза стукнул палкой о рундук.

Показалась неизвестная седая голова.

— Ах, это вы, Иван Иванович?

— Тсс...

Глава 31-я

...Красноносый полковник с протезом нервно прогуливался по скверу, лихорадочно поглядывая на неосвещенные окна третьего этажа... Вдруг в окне показалась трехлинейная керосиновая лампочка. Полковник бросился в парадную, в два прыжка достиг третьего этажа, открыл французским ключом дверь и...

Глава 34-я

— Садитесь, — сказала прелестная молодая женщина и закурила сигаретку.

Миша закашлялся в ароматном дыму. На парадной позвонили три раза. Женщина вздрогнула и исчезла в передней.

Через минуту она вернулась и вручила Мише письмо в загадочном продолговатом конверте без марки к неизвестному человеку в зеленой шляпе с пером, который должен был встретить Мишу на поплавке у Летнего сада.

Глава 46-я

— В России творится чорт знает что, — сказал толстобородый сухощавому и ударил кулаком по столу. — Этот прохвост Штюрмер...

— Так, так, поговори у меня, — сладострастно прошептал сидящий по соседству в мужской уборной сотрудник III отделения Филимон Карпуша, жадно прислушиваясь и стенографируя слова толстобородого. — Ципль-попль, голубок. Заведу на тебя картотеку.

Глава 48-я

На поплавке было шумно и весело. Совершенно неизвестный человек с подозрительными рыжими бакенбардами таинственно ел салат оливье, а его спутница ковыряла котлету маршаль, соус пикан и загадочно смотрела на воду. Было поздно. Таинственная пара расплатилась и исчезла. Мужчина тихо сказал своей спутнице:

— Третьим переулком до перекрестка. Вторая форточка от угла наискосок. Стучать два раза громко, один раз тихо. Спроси, здесь ли продаются соски для грудных.

Глава 55-я

...По хвойному финскому лесу пробирался неизвестный в морщинах, с желтым фибровым чемоданом. Он остановился на холмике, потянул острым носом воздух и быстро пошел налево, конспирируясь находу.

Глава 65-я

Павел Львович Краснобаев великолепно выпался, выпил кофе, съел калач со сливочным маслом и теперь

смотрел на свою дочь Варюшу, наслаждаясь ее молодостью и невинностью.

— Куреночек мой, цыпка ты моя!..

Было приятно сознавать себя знаменитым членом Государственной думы, чувствовать свое большое волосатое тело в просторных пикейных брюках и рубашке «апаш», свои большие удобные ноги в простых сандалиях. Хотелось думать о России, о конституции, о свободе, об ответственном министерстве.

Глава 75-я

Из подворотни дома № 49-б в Пятисобачьем переулке вышло двое неизвестных с большим сундуком. Они сели на извозчика и поехали налево. Один был высокий и рябой, другой низкий и косоватый.

Как только двое неизвестных скрылись в соседнем переулке, от стены отделился третий неизвестный и медленно пополз в подворотню.

Конец второй книги

ГЕОРГИЙ КУКЛИН

НА-ГОРА И ПОД ГОРОЙ

Егор Иваныч вывалился из спячки и, ударившись лбом о свет, вскочил с постели.

Мухи взрывали крыльями духоту.

Пол был теплый, как коровье вымя.

Егор Иваныч побрызгался у мутного умывальника. Сурово.

Облипал мыслями.

Рудник заносило илом противоречий, тиной безобразий, заливало водой администрирования.

Шахта плотно сидела на мели бюрократизма, на мелком песке неумения маневрировать.

Не выдают уголь на-гора. Замусоливают, не отгребают.

Эх, кинуть бы все на технику.

А воздух кругом затянут стройкой, щебнем и песнями.

И бараки.

Одни чистые. Другие — с клопами.

И надо найти общее.

Русскому духу нехватает пластичности, плюс глины выдержки, плюс цемента расчета.

И механизмы.

Изжить обезличку, уравниловку, двинуть технику, соцсоревнование и ударничество.

Резал шагами дорогу к автобусу.

Думал радостно.

Продумать.

Уточнить.

Впяять самосильно.

Втемяшить в точку.

И это самое.

Шагал уверенно, достигая рукой мутного белесого неба и втискиваясь в землю на глубину семиэтажного дома.

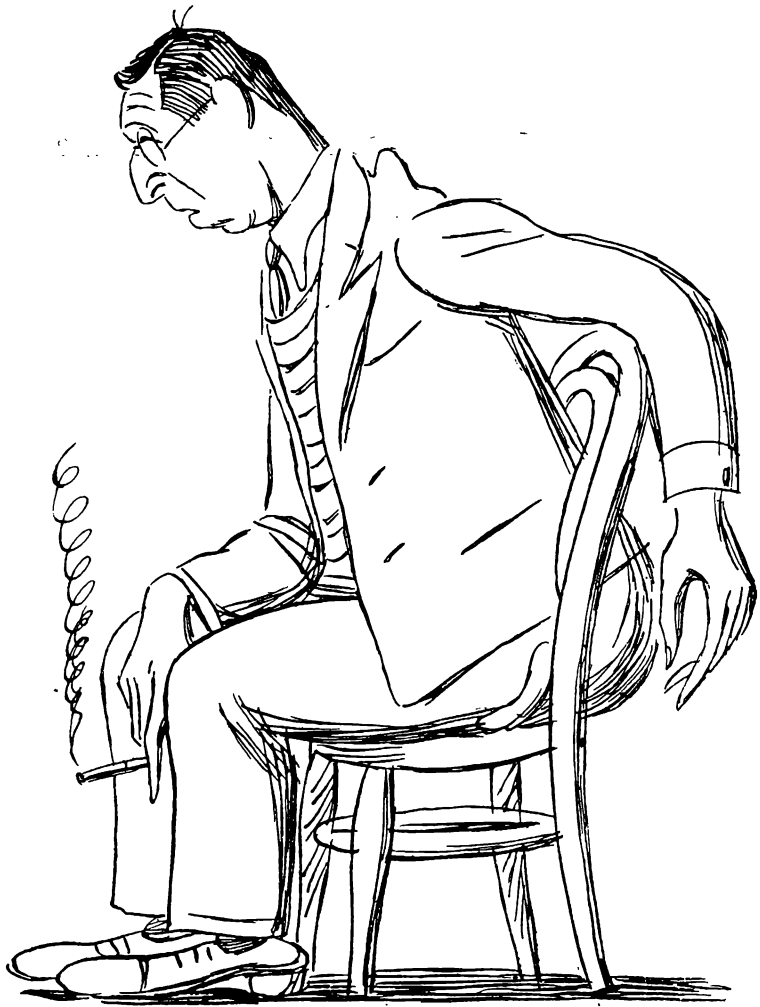
Покончить с обезличкой и уравниловкой.

Поднять технику.

Опять же — ударничество и соцсоревнование.

А степь чихала белую пылью и грязной шершавой травой облипала кирпичное здание рудоуправления.

БОРИС ЛАВРЕНЕВ

ЖЕЛТОВАТОЕ И РОЗОВАТОЕ

Валентин вздрогнул, весь натянутый как певучая скрипичная струна...

Весь изогнувшись от томительной тоски своего упругого молодого тела, он жадно потянулся желанием к Рахили.

Разве он виноват в том, что пришла его минута?

По окопам улиц и проспектов, мимо каменных грядок пятиэтажных кирпичных чудовищ ползла серо-зеленая гвардейская змея защитного цвета.

Австрия хлестала Сербию ультиматумом.

Эрцгерцог Франц Фердинанд мирно тлел с супругой в фамильном склепе.

«Мы, Николай Второй», расчесывая пепельные усы вывернутой ладошкой, писал манифесты.

Из-под брюк Милюкова выглядывали кирпичные минаретные колонки Айя-София в Константинополе.

А Валентин, выпустив два раза подряд изящные кольца сизого дыма, вскочил с дивана и, весь пламенея от восторга и желания, холодея и пружинясь на ходу, бросился к Рахили.

Рахиль жила в шоколадном с проседью доме, который огромным купеческим Монбланом вздымался на равнине феодально-дворянской архитектуры района. Он нес знамя империализма и прибавочной стоимости

в плохо оштукатуренные массы мелкопоместных трехэтажных и четырехэтажных дворянских кирпичных домов, рассеявшихся по боковым улицам и переулкам.

Валентин вбежал в бельэтаж и припал к женскому теплу. Он уткнулся щекой в китайский шелковый халатик Рахили.

Газетчики надрывали глотки, громыхали орудия на бульжниках мостовой.

Она склонила голову к нему на погон.

Вдали, за вуалью горизонта, шагали миллионы пудов пушечного мяса, а дымчатые волосы Рахили смутным пятном узывно белели на подушке.

Валентин вспомнил: завтра — отъезд. У него захватило дыхание. Он весь натянулся как струна виолончели в теплую весеннюю ночь.

Эшелоны грузились на станциях. Россия заступалась за Сербию.

Серебристо-лучистые глаза Рахили наполнились слезой любви.

— Это так... Это от счастья...

Германия готовилась к прыжку на Францию.

Сиреневый сумрак вечера мягко мерцал над просветами улиц. Девушка тихо прижалась к нему.

К границам шагали миллионы. Захлебывалась пресса. Вдувались акции.

Валентин рванул вниз штору окна и погрузился в блаженный мрак. В теплоту одеяла...

•

•

Ю. ЛИБЕДИНСКИЙ

ВЫЕЗД В ПОЛЕ

(КРАТКИЙ КОНСПЕКТ)

Земля сферична. Здесь на Украине это совершенно несомненно. Земля кругла и выпукла и не прячет своей округлости в роскошной шевелюре приднепровских плавней.

Я приехал в коммуну.

Я встречаюсь с людьми.

Пахнет прелым навозом, парным молоком и горькой полынью. Вечер был. Сверкали звезды. Я встречался с людьми.

— Вот вы еще не видали нашего председателя. Вот кулак!

Я настораживаюсь. Я прислушиваюсь к голосу массы.

Однако надо будет присмотреться.

Я знаколюсь с председателем. Жесткое лицо, глаза что-то прячут. Не иначе — кулак. Ну, конечно же кулак!

Мы ходим с председателем с раннего утра по коммуне.

Председатель — прекрасный и рачительный хозяин.

Какой он кулак?! Он просто хороший хозяин!

Председатель ни с того, ни с сего наорал на трактористов в поле и обложил их неистовым матом.

Что-то подозрительно: не из кулаков ли?

Я слежу за председателем, как он отдает дельные, толковые распоряжения.

Какой это кулак? Только лодыри могут утверждать нечто подобное! Это же настоящий советский хозяин!

Председателя все боятся, его даже ненавидят. Он угрюмо, исподлобья глядит на работников коммуны. Он выжимает последнюю копейку из людей, нанятых им со стороны на работу.

Кулацкая сущность — налицо. Вчера обсчитал рыбаков, воспользовавшись их беспомощным положением...

Кулак самый настоящий!

А может быть, это только жесткий хозяйственник и непреклонная натура?

Приехал секретарь райкома. Сразу все разъяснил: председатель из кулаков, кулак в нем сидит и на сегодняшний день.

Председателя сняли с поста.

Наконец-то все выяснилось. Можно ехать домой.

С. МАРВИЧ

НЕБОЛЬШОЙ МИРОК

Господин директор Бакфиш открывает стеклянную дверь в вестибюле.

Господин управляющий Шпильглас почтительно кланяется господину директору Бакфиш.

Господин директор Бакфиш приятно улыбается господину Шпильгласу.

— Сегодня хорошая погода, господин Бакфиш.

— Немного жарко, господин Шпильглас.

— Вы совершенно правы, господин Бакфиш: тридцать пять и три четверти по Реомюру в тени.

Господин Шпильглас приветливо открывает господину Бакфишу дверь в ресторан.

Господин Бакфиш сердечно кивает головой господину Шпильгласу и бесшумно проходит в зал ресторана.

В прохладном зале подаются прелестные тонкие кушанья и вина, не считая десерта и электрических вентиляторов.

А рядом, на заводе господина Рихарда фон Мяу уютно готовятся тяжелые орудия, ружья и гранаты, которые господин директор Бакфиш почтительно всучивает мировой клиентуре за бешеные деньги.

Господин Бакфиш честно служит господину Рихарду фон Мяу.

Господин Рихард фон Мяу очень ценит господина Бакфиш.

Господин Бакфиш может очень легко, между шнитцелем по-венски и ананасным мороженым, сделать два миллиона марок для господина Рихарда фон Мяу.

А бухгалтер Генрих Штрицель не может сделать того, что может сделать господин директор Бакфиш.

Бухгалтер Генрих Штрицель получает восемьдесят марок в месяц и низко кланяется при встрече господину Рихарду фон Мяу.

Господин Рихард фон Мяу очень ценит господина Штрицеля.

Господин Генрих Штрицель очень предан господину Рихарду фон Мяу.

И отец его был предан, и двоюродный дядя, и дедушка.

— Добрый вечер, господин Штрицель.

— Добрый вечер, господин фон Мяу.

Господин фон Мяу жмет руку господину Штрицелю.

Господин Генрих Штрицель в свою очередь почтительно пожимает руку господину Рихарду фон Мяу.

— Доброй ночи, господин Штрицель.

— Доброй ночи, господин фон Мяу.

Хорошее синее немецкое небо, цвета берлинской лазури, усеяно добрыми немецкими звездами. Добрые немецкие овчарки приветливо лают на аккуратных прохожих.

НИКОЛАЙ НИКИТИН

МНОГО ЗВЕЗД НА НЕБЕ ЯСНЫХ

(ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПОВЕСТУШКА)

Начальник строительства первой очереди Елисей Коротков не мог уснуть... Кругом грохотала стройка, а он ворочался на узкой койке 2,5×1,3 метра и думал о Соне.

Да, она очень интеллигентная. Стройная, рослая и зрелая, как растение... Литературовед... Женщина и мать...

Почему он ее любит? Странно... И она его любит... Очень странно...

А может быть, она его не любит?

Как замечательно устроена жизнь: вот он лежит на койке в степи и может свободно думать о Соне в Москве... И потом этот инженер Дидерихс? Почему у него рыжеватые ресницы? И пальцы с ногтями? На ногах — сапоги, а сам с утра в штанах ходит... Наш он или не наш?

Кажется, запорем импортную турбину... Почему у него косет под ложечкой?.. Щи были сегодня кислые... У Сидорова открытые и честные глаза... У Сони руки средней величины, но с ямочками. Литературовед с западным уклоном. Почти аспирант... А он? Шляпа он или не шляпа?

Уборщица Тоня и помбригадира Петя шли в темный переулок, ритмично покачивая упругими молодыми бедрами, под железный ритм клубного патефона, не имея сил разъединиться и касаясь пылкими телами друг друга, как две лодки — крутыми бортами.

Сверкающий фонарь у кино выхватил из тьмы на минутку Тонино розовеющее и млеющее тело и бро-

сил его в воспаленные желанием зрачки помбригадира Пети.

Молодость. Желания в крови... Зной страсти... Темный переулок... Звезды... Млечный путь... Венера... Марс... Уголь... Баржи... Котлованы...

Отсекр Степа Фисташкин и брат его Тося сидели в комнате, поглядывали на звезды и говорили о массах, о Большой Медведице, о Шекспире, о Гамлете, о душе, о турбине, о любви, о разгрузке...

— Будут ли существовать отсекры через двадцать-тридцать лет? — мягко и задумчиво, снимая подтяжки, спросил Степа Фисташкин и взглянул на радостный серп и молот луны, восходящий над стройкой.

Тося не отвечал. Он лежал на койке 2,1×2,4 метра, рыжий, веснучатый и думал о Зойке и Пальке, которые сжимали друг друга на берегу после заседания.

Снятый с поста начальника строительства Елисей Коротков шел по заштатному городу Балаклаве и думал:

«Да, Соня — здоровая, рослая, красивая женщина. Литературовед с западным уклоном. С мировым дирижером за руку держалась за кулисами Филармонии. А он? Он — Елисей Коротков? Психологичен он или не психологичен? Чем он хуже других? Чем другие хуже его? Сколько будет дважды два? Неужели четыре?»

А потом эти звезды на небе. Сколько их? Раз, два, три, четыре... не сосчитаешь.

В душе Короткова гармонично нарастала неоконченная симфония Шуберта...

Его душа пела, как орган:

«Много звезд на небе ясных, но милее стройки нет...»

М. СЛОНИМСКИЙ

СРЕДНИЙ ИЛЮША

ГЛАВА СXXXVIII

Ильюша проснулся в своей комнате, на грязном пружинном полосатом матраце, и сразу мысленно подумал о том, что он очень хочет есть. Кругом валялись грязные носки, кальсоны, селедочные головы и другие объедки.

Ильюша больше месяца не был в бане.

Он почесал указательным пальцем голову и посмотрел на часы: было двадцать четыре минуты второго пополудни. Ильюша почувствовал в желудке и пищеводе сильный голод. Он любил есть сытную, обильную и вкусную пищу. К этому его приучила мама. Но у Ильюши не было денег.

Ильюша встал с постели, надел кальсоны, носки, сапоги, штаны, пиджак, пальто и шляпу, застегнул брюки на пуговицы, запер дверь, спустился по лестнице и вышел на улицу.

Потом он пошел по улице, дошел до остановки трамвая и стал ждать свой маршрут.

Дождавшись своего маршрута, Ильюша сел во второй прицепной вагон, заплатил кондукторше гривенник за билет и поехал на трамвае к своей бывшей кормилице, где он надеялся сытно и вкусно пообедать.

Доехав до остановки, Ильюша вышел на переднюю площадку второго прицепного вагона и слез с трамвая.

Слезши с трамвая, Ильюша пошел по перпендикулярной к проспекту улице, потом свернул на боковую и, пройдя три дома, остановился у знакомых ворот.

Ему очень хотелось обедать.

Ильюша подумал, вошел в ворота, прошел по двору и поднялся в третий этаж.

Дверь кормилицы оказалась на замке. А мама была далеко.

Ильюше сильно хотелось есть. Он сел на подоконник и стал ждать кормилицу, чтобы войти с ней в квартиру, сесть за стол и вкусно пообедать.

Наступил вечер, но кормилицы не было.

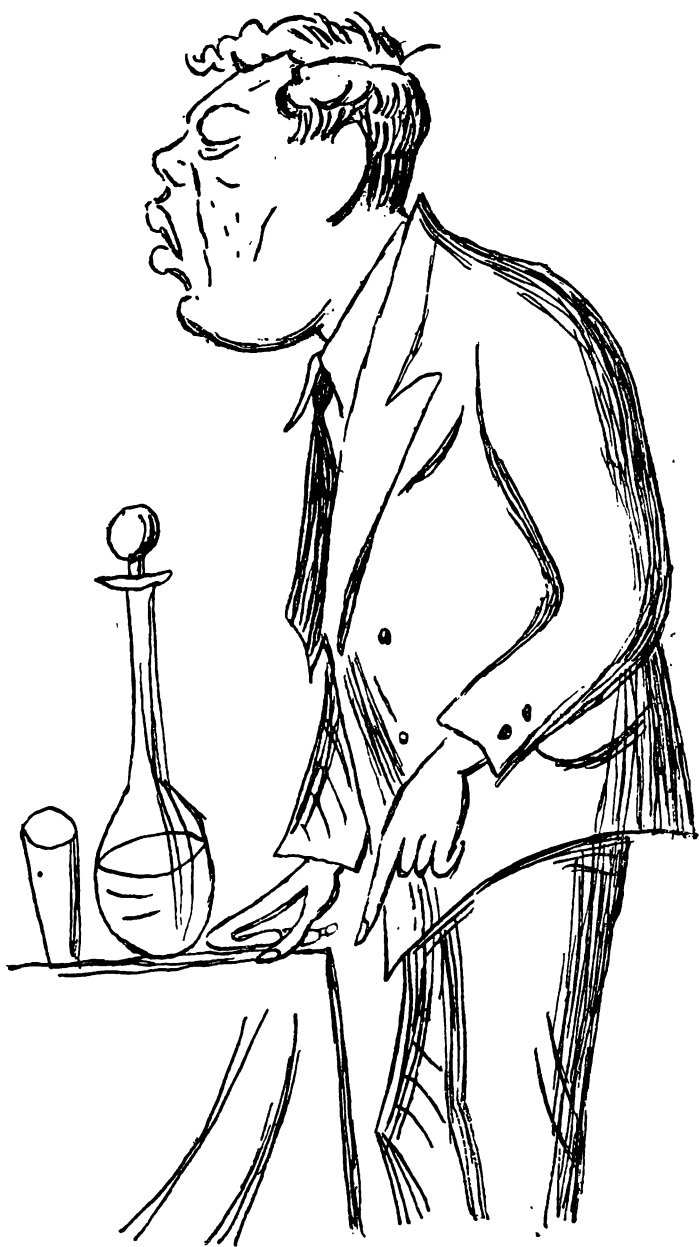
Тогда Ильюша спустился с подоконника, на котором сидел, сошел вниз, пошел по боковой улице, потом по перпендикулярной, вышел на проспект, сел в трамвай и поехал домой.

Дома он вошел в ворота, поднялся по лестнице, повернул в коридор, остановился у двери, отпер ключом и вошел в свою комнату.

Ильюша снял шляпу, пальто, пиджак, брюки, кальсоны, носки и сапоги, лег на кровать и заснул...

ЛЕОНИД СОБОЛЕВ

БОЛЬШАЯ ПОЧИНКА ИЛИ 2 ЛИВИТИНА 2

Большое длинное белое холеное тело лейтенанта Ливитина было впаяно белизной ослепительного кителя в офицерскую койку.

Неслышно ступая ласковыми подошвами, в каюту вошел вестовой, беззвучный и безмолвный, как поцелуй белокурой фрекен из гельсингфорского ресторана.

Предводители дворянства завтракали у Кюба.

Губернаторы, сенаторы, вице-губернаторы, тайные, действительные тайные советники — у Донона.

Великие князья и министры — у Эрнеста.

А нищая огромная мужицкая Россия глодала лебеду пополам с дурандой на первое, второе и третье.

Открытый круглые сутки гигантский ресторан-кабак под двуглавым орлом, именуемый российской империей ежегодно выблевывал водки на девятьсот миллионов рублей.

От Иоанна Калиты до Николая Романова.

Юрий Ливитин, сладко потянувшись, поглядел на свои стройные юношеские ноги гардемарина, обутые в замшевые белые туфли.

Страна смотрела на свои ноги. Два миллиона нижних конечностей было обуто в заграничные шевровые и прюнелевые ботинки и в роскошные гвардейские тимофеевские сторублевые сапоги. Десять миллионов — в русские сапоги из вонючей кожи, смазанной дегтем.

И сто тридцать восемь миллионов щеголяли в исконных российских лаптях времен Владимира Мономаха и Святополка Окаянного. Портянки самодержавия пахли острым неистребимым мужицким потом. Лейтенант Ливитин улыбнулся брату гардемарину сытой улыбкой

уравновешенного и выверенного как хронометр человеческого аппарата.

Улыбались жемчужины и бриллианты дворцов и особняков, искусно вправленные в гранитные перстни столицы.

Улыбались пухлыми призывными губами полноногие, стройные, высокогрудые женщины — невесты, жены, любовницы, матери и бабушки мичманов, лейтенантов и кавторангов российского императорского флота.

Улыбались метрдотели, содержатели публичных домов, лихачи, шпики, швейцары и старшие дворники.

Улыбался в седеющие усы Раймонд Пуанкаре.

Империя улыбалась Европе.

Гардемарин Ливитин посмотрел на продолговатые аристократические руки брата. Десять поколений упорного маникюра понадобились для того, чтобы на офицерской койке «Генералиссимуса графа Суворова-Рымникского» блестели розовым лаком эти безукоризненные миндалевидные отполированные ногти.

Империя блистала розовым лаком кавалергардских, драгунских, кирасирских и уланских гвардии его величества ногтей, а многомиллионные короткопалые мужичкие руки были грязны от доисторической грязи и пота, вьезшихся в кожу еще при Владимире Святом и Ярославе Мудром.

Лейтенант Ливитин взял брата под-руку и вышел с ним на палубу, надраенную до яркого блеска.

Империя блистала во всей красе.

В ту же ночь гардемарин Ливитин в сиреневых кальсонах пробирался в гальюн (уборную).

Вся империя в этот предутренний час пробиралась в уборную.

Адмиралы, вице-адмиралы, генералы от кавалерии, генералы от артиллерии, генералы от инфантерии и генерал-лейтенанты — пробирались в шелковых пижамах.

Кавалергарды — в бухарских халатах с кистями.

Купцы первой гильдии и гласные городской думы — в шелковых и фильдекосовых цветных подштаниках.

Городское мещанство и сидельцы винных лавок — в обыкновенных белых рипсовых.

А многомиллионная мужицкая мать Расея, спотыкаясь во тьме и яро матерясь в бога, чорта и в душу, просто бежала в бурьян до ветру в посконной рубахе.

НИКОЛАЙ ТИХОНОВ

АБДУЛ-АЛИ-ХАН

(ЭКЗОТИЧЕСКИЙ ПУТЕВОЙ НАБРОСОК)

На желтом блюде пустыни — черное кружево саксаула.

На небе зажигаются зеленые огоньки.

У самого неба стоит верблюд.

Он внимательно озирает потный мир средневекового феодализма, вопящего всеми своими лохмотьями, трахомой и бытовым сифилисом.

Сын Тимура, легкий как птица, вышел из шатра, прицелился из винчестера в оранжевого зайца и уложил его находу.

Фисташковая пустыня несется через немыслимый вечер в вечность.

В реве ишаков, в бляении баранов звучит музыка ночных сфер.

И бешеные смуглолицые колониальные сюжеты французской вдохновенной кисти, сорвавшиеся с полотен Лувра и Люксембурга, пляшут вокруг лиловых костров на рыжем фоне пустыни.

Мы пьем зеленый чай на коврах длиннобородых предков.

Нас охраняет фиолетовая ночь, триста сынов дикого немоющегося народа и шестьсот кобелей, свирепых как самум.

За пологом шатра полощется тончайшее шафранное

утро. Вздывают горбы шершавые верблюды и плюют на собак ненавидящей, соленой, изумрудной слюной.

Тысячелетия идут к водопою тропой Тамерлана.

Ишак мочится у шатра янтарной струей.

А за спиной ишака — примус, трактор и протоколы аул-совета.

АЛЕКСЕЙ ТОЛСТОЙ

МИН-ХЕРЦ-ПИТЕР

Ардальон Панкратьевич (нос свеклой, глаза — тусклые) вошел в палату и (кислым голосом):

— Мать, поднеси чарочку.

Ардальоновы девы всполохнулись, закивали туловищами, учиняли политес с конверзационом:

— Пуркуа, фатер, спозаранку водку хлещете?

— Цыц, кобылица! Я те плетку-та! (Это — старшей Степаниде, широкозадой бабище.)

Взревел. Выпил. Поскреб подмышками.

(Рыгнул. Передохнул.)

— Ох, скушно. Ох, тошно...

Чужой лесопильный завод не давал покою.

Вышел на крыльцо.

И (боком, шуба на соболях, шапка на бобрах, рожа раскарякой, — вильнув задом) в возок.

Зазвонили у Федора Стратилата. Потом у Варвары Великомученицы, что у Спаса на Могильцах.

Разбойные люди пошаливали промеж двор на Москве. Купчишки вступали в кумпанства интересанами.

В подклетях и чуланах стояли страшные мужики в посконных рубахах, дышали теплою вонью, оседали на задах, трясли нечесаными бородами, жгли свечи, истово били заросшими лбами земные поклоны.

Загудел Иван Великий.

Хромоногий старец Амброзий вьелся глазами. Разинул рот. (Язык шелудивый, дух смрадный, и зубья по-выбиты.)

Провопил троекратно:

— Ужо я вас, антихристово семя!

И швырнул сухим калом в передние ряды.

Задохся благочестием. Отошел. Побрел в угол, таща за собою дряблый старческий зад...

Бешено сверкнул глазом. Подрыгал левой ногой. Постучал горстью по столу.

— Вор. Вор и есть.

Бил долго. Сопел тяжело. Трость испанского камыша, подарок Людовикуса короля, обломал о шустрый Алексашкин зад.

Обмяк. Бросил нога за ногу. И (совсем ласково, одним краем пухлого рта):

— Собирай на стол. Завтракать.

Часы тонкой парижской работы на мраморном камине пробили двенадцать.

Дебошан Карл Двенадцатый потянулся, прикрыл одеялом голые ноги лежавшей рядом графини Ричмонд, разом осушил бутылку рейнвейна и отшвырнул с презрением Корнелия Непота.

— Натали. Я решил (покусал губы, поежился, почесал узкий длинный мальчишеский зад. Застегнул рубашку) ты поедешь в Ржечь Посполитую и сделаешь амур королю. (С яростью). А мои драгуны свернут ему шею.

— Ваше величество...

— Закройся с головой. Сюда идет сенат.

И потянулся за бочкой бургундского.

Мин-херц сидел. Покачивал пяткой, поджал уши. Услышал легкие каблучки.

Увидел черные кудри и ноги под юбкой. Засмеялся. Элене-Экатерине:

— Здравствуй, Катюша. Посвети мне, спать пойду.

Выла вьюга на больших чердаках. Купчишки ежились, заводили кумпанства и строили заводы.

А Митька-Неумытое-Рыло, клейменный каторжный стервец, погромыхивая цепью (ключица переломана, три ребра — прочь, одна ноздря на Выгозере вырвана) яро матерился. Бил, бил, бил ядреной кувалдой, бормоча в окаянную бородищу:

— Доколе бить-та? Ишь ты, дьявол. Того и гляди, третью часть напишет.

ЮРИЙ ТЫНЯНОВ

ИМПЕРАТРИКС АУС МАРИЕНБУРГ

Отфрыштыкали изрядно.

Сначала подавали персицкую рыбу фиш в дацком соусе, подарок королюса — шаха персицкого, потом «майонез-рыбу» голландскую, тонкокоостную, с розовыми прожилками, потом жиго по-шведски с фишашками, потом рябчиков соликамских с брусникой и пломбирус с фруктуозами, подарок французского королюса — руа Луи Пятнадцатого.

Сидела императрикс в кресле. Мучилась животом. Резь и отрыжка.

Остзейский ветер посвистывал на Васильевском. Гулял в перелесках.

Глянула на натуру через амбразуру: за фенстером — Нева-флус, паруса заморские, шкиперы голландские с глиняными трубками. Господа гвардия. Штуцера и каннонен. Небо в тучах.

Петерсбурк.

Императрикс в кресле. Ноги у нее толстые, белые. И грудь просторная, большая.

От вчерашних экзерсисов танцевальных вертиж до сих пор не проходит.

Дансантно было зело.

И белобрысого секунд-маиора приблизила после машкарада. Хвала Венус пречистой!

Посмотрела на себя: Катеринхен, Катюша, Катенька... Ди арме Марта... Императрикс аус Мариенбург.

Ох, кто там в сенате? Александр и Пашка...

И жалко себя стало.

По визажу слезы аус ауген на корсаж кап... кап.

Зазвонила в колоколец.

И подали фрелины императрикс:

Лилейный вежеталус Ленжета для грудного велура.

И пурпурную хинную вассер-воду Теже для шелковистости подмышек.

И венецианский жидкий вазелинус, на голубиных почечных лоханках настоенный, для укрепления ресничных корней.

И скипидарус персицкий царя Артаксеркса противу резей желудочных.

И клопоморус янтарный из земли Арагацкой противу насекомых альковных.

В полшеста часа накинули фрелины на императрикс сначала аграманты с аржантами, потом сердальон с ангажементом, простроченным по тарталету тортюрами с бордолезом. Потом поверх сердальона набросили тюрлюрлюр французский, а поверх тюрлюрлюра ландозу голландского шелка с брабантским кружевом и шемизет демисезон бургундского велюра с кантиком.

И понесла императрикс груди свои, умашенные вежеталусом и вассер-водой, в паратную залу.

И увидела: стоят господа иностранные государства, господа сенат и господа гвардия.

И тот белобрысенький, которого приблизила...

Сердце под корсажем натурально пальпетирует:

— Катеринхен, Катюша, Катенька... Ди арме Марта...

Императрикс възрыдала.

КОНСТАНТИН ФЕДИН

ЕВРОПА ПО-ГОЛЛАНДСКИ

Иероним ван Опоссум подошел к старым голландским часам. Это были те же самые почерневшие часы. Невозможно было ошибиться. Это были часы, стрелки и минуты детства.

Иероним ван Опоссум подошел к старой голландской печке. Это была та же самая печь. Он по привычке сосчитал кафельные плитки. Их было: семьдесят три синих журавля, семьдесят три лиловых барашка и семьдесят три оранжевых мельницы. Итого двести девятнадцать плиток трех цветов.

Это были разноцветные кафли юности.

Иероним ван Опоссум подошел к старому голландскому брату Эразму ван Опоссум и внимательно поглядел на него. Это был тот же самый, чуть постаревший старший брат Эразм ван Опоссум.

Он сидел в глубоком кресле, высоко подняв локти.

Иероним ван Опоссум пожал руку брату, вышел на улицу и подошел к «Саре».

«Сара» стояла, блистая свежим лаком, умытая от спиц до радиатора гаарлемской росой, чистой как слеза девы Марии. Это была гордость семьи. Это было счастье рода.

Иероним ван Опоссум опустил на сиденье и любовно погладил теплой ладонью шершавую кожу.

«Сара» вздрогнула и понеслась беззвучной стрелой по асфальту под сладостный звон Сент-Баво-Керка, воздающего славу небу высоким хоралом Иогана Себастиана Баха.

Темносоевый ульстер Иеронима ван Опоссума был строг, как шпиль собора святого Евстафия.

Иероним ван Опоссум закрыл глаза.

Когда он открыл их, его возлюбленная «Сара» катила вдоль пышных тюльпанов и нарцисов по Принценграхту и прочим страатам столицы, мимо Рубенсов, Рембрандтов и Вандейков, ставших фасадами зданий.

Иероним ван Опоссум снова закрыл глаза.

Когда он открыл их, он увидел спину шофера, показавшуюся ему громадной. Он подумал об окоренных еловых балансах без розовой гнили франко-борт в Архангельске, приветливо поглядел на спину шофера и взял телефон:

— Ассэ-лифт-брифт. В министерство.

— Мен-эр.

Перед ним лежала Гаага, ангельская столица присноблаженная, как малиновый перезвон пасхальных колоколов святого Маврикия.

Амен.

ГЕННАДИЙ
ГЕННАДИЙ ФИШ

Моя суоми

РОМАН

Бурунен сидел на чистой скамейке вагона и думал о том, о чем он думал, когда он думал пойти ночью в мороз вместе с Эйно Лахти на лыжах из Пяйвалехти в Синялехти в прошлом году.

Сиронен сидел в другом вагоне на другой скамейке и думал, думает ли о нем его Тильда, забыла она его или нет. Не сошлась ли девушка, чего доброго, с этим косолапым, краснорожим шюцкористом Соболиненным из Хейнавеси?

Бромстрем сидел в третьем вагоне на третьей скамейке и думал о том, что у него подложный паспорт и что, думается ему, рано или поздно ему не сдобровать от этой собаки Бумстрема.

На одной из остановок Брандстрем из четвертого вагона подошел к Эйно Лахти и спросил, что он думает о Ловизе из Пеккюля.

Лахти медленно прожевывал пекки-лейпа, запивая простоквашей, и ни о чем не думал.

Поезд тронулся. Рыжий Пявалайнен вышел на площадку и таинственно посмотрел в лес. Сзади его с силой ударил по черепу Таманен, которого схватил за руку Коскинен.

«Похоже, что убивают» — подумал Пявалайнен и свалился в белый снег на полотно Финляндской железной дороги. Череп его был почти проломлен.

Коскинен прыгнул на ходу, встал на лыжи и таинственно помчался на лесную полянку.

Поезд приближался к какому-то захолустью и свистел.

В то время как он свистел, Молокайнен, не спавший пять суток, сидел на лесной полянке на берегу озера, обросший щетиной, и подсчитывал винтовки, сбиваясь со счета от бессонницы и поджидая—Кирье Каупинена, который пошел к Танголинену за пятнадцать километров худой дороги.

Комаринен сидел неподалеку от озера в бане и считал патроны к винтовкам, которые пересчитывал Молокайнен в лесу.

В это время раздался предательский выстрел в окно.

«Так и есть. Я ранен в живот» — подумал Комаринен, ощупывая пулевое выходное отверстие чуть левее пупа и наскоро делая себе перевязку из пулеметной ленты.

Закусив вчерашней простоквашей, Комаринен неслышно заскользил на лыжах на лесную полянку.

Мороз крепчал.

ОЛГА ФОРШ

ЛА БЕЛЛА ФЛОРЕНЦИЯ

Ла белла еще спала, когда мы подкатили к ней.

— А ревидерчи, — сказал мой небритый спутник, раскрыв в улыбке огромную пещеру своего рта, и скрылся в лиловом флорентийском сумраке, успев сунуть мне свою визитную карточку: Алигиери, дантист.

Как не вспомнить великого Данте?! Божественный флорентинец с ослепительно белыми зубами выступил из мрака вместе с Вергилием.

Санта-Лючия дремала у Понте Эвксина, переходя в очаровательную Санта-Лимонадо с изумительным крыльцом и фризой Чивита-Веккия и медальонами Керубино Старшего.

Вы идете мимо госпедале Делла Мадонна Рафаэле, мимо пятисотлетних кедров, в тени которых отдыхали еще Фрателлино Младший и Джузеппе Старший, и сразу попадаете в Сан-Дивино с его воздушной башней Дель Иезу Кристи.

А вот и Джироламо Савонарола. И суо дьяболо.

Страшный монах. Келья. Костры. Амен. И бирюзовое небо над золотистым шпилем Санта-Беллина.

Что ни пьядца, что ни пьядцета, что ни факино, что ни вентурино—повсюду резец художника и кисть гения.

Над ла белла Флоренция спускаются сумерки. Они родятся на Сан-Марко, переходят на торжественный

купол Сан-Петро и безропотно умирают под кружевными сводами Сан-Сабастьяно ди Пармезан.

А ревизерчи, ла белла!

И в спину мне прямо из ниши ухмыляются с развратным видом Маккиавели, Бенвенуто Челлини и неизвестный монах средних лет, дешевая копия Бориса Пильняка.

А. ЧАПЫГИН

ЗЕРКАЛО ВДРЕБЕЗГИ

Двое пьяных лезут в подвал.

Третий жену на кровати лупцует. По бокам и по морде.

Лампа с керосином шмякнулась о пол. Темно.

— Эй, стерво-о!

— Ой, волосыньки мои!

Мишка подкараулил Тишку, да гирькой его тюк по затылку. Повалился. Кровища из ушей хрястает.

— Рр-разойдись!

— Отколешный?

— Тутошний али нет?

— Здешний, облезлый чорт!

— Ой, мамоньки!

— Цыц, сука!

— Волоки его на фатеру.

А в трактире — светлота. Лампионы с абажурами, буфет дубовый, резной. Выручка ядреная. Гульба подходячая.

— Укокали Тишку-то!

— Ноне аль намедни?

— Ужо на столе лежит распластанный.

— Э-эй, падаль бесхвостая!

— Цыц, тварь поднебесная!

— Мамка-а-а!

И поволокли его, сукина сына...

— Фу-ты, ну-ты, ножки гнуты, паяльником — в лоб,
а ножки — в гроб!

А в веселом доме напротив, у мадам Аннет, розан-
чики по канареечному полю раскиданы. Девицы пля-
шут. Телеса трясутся. Рояль брэнчит.

— Танцуй, чорт кучерявый!

— Давай пиво вылакаю...

— И-эх, баба!..

— А я ему — в рожу...

A. ЧЕРНЕНКО

ЗОЛОТОЕ ДЕТСТВО

Кажись «пассажир»...

— Э-эй... едрит тебя в душу...

— Робя-я-я...

— Чегой-то не видать.

— Может, еще по одному гусаку дербалызнем?

— Дяденька, скоро «Самолет» придет?

— Замолчи, туды твою растуды...

Я отползаю от грузчиков и ползу на помойку. На помойке тепло и весело.

Покопавшись в мягком мусоре, потом плетусь в подвал, оттуда в базарные дарьки. С базара в подворотню.

Из подворотни на меня бросается мопс с барынькой. Барынька визжит, а я швыряю в псину камнем.

У меня мать — прачка с мозолистыми руками.

У меня отец — сознательный грузчик.

По каналам течет вонючий рассол.

С Волги тянет тухлой воблой.

На пристани орут пьяные соленосы, с пупочными и паховыми грыжами.

— Э-э-эй!

— Держи левей!

— Язви тебя в селезенку!

Издалека от самого крайнего амбара' соленый све-
жий каспийский ветер-моряна доносит ответное:
— Так твою раста-а-ак...

Н. ЧУКОВСКИЙ

ПОВЕСТУШКИ ВООБЩЕ

Беременная Маня медленно шла вперед.

Ее узкие ступни, обутые в туфли, ступали по жилистой земле, на которой там и сям дымилась конская моча.

Летали стрекозы. Порхали разноцветные бабочки.

У Мани был выпячен вперед живот и откинуты назад плечи.

Шел дождь. Он падал с неба из тучи мелкими каплями.

Инвалид Киржаков, который находу крутился вокруг своей собственной оси, лежал мертвый в глинистой яме.

Комендант в зеленой гимнастерке очень хорошо играл в рюхи и был мужем Мани.

Неизвестный капитан, взлохматив бороду, валялся на жарком песке под лодкой и припрятывал турецкие лиры.

Он любил врать.

Барышня Вера жила в Крыму, ходила ежедневно купаться и не любила капитана. От него плохо пахло. Ей было очень скучно. Она решила в одно прекрасное летнее утро переродиться, уйдя на завод с татарскими девушками.

В. Балдыкин был очень пошлый тип. Он подряд сто

раз расписывался в тетрадке для красоты. Ходил по женщинам, вымогал деньги.

Нехороший человек. Отрицательный образ.

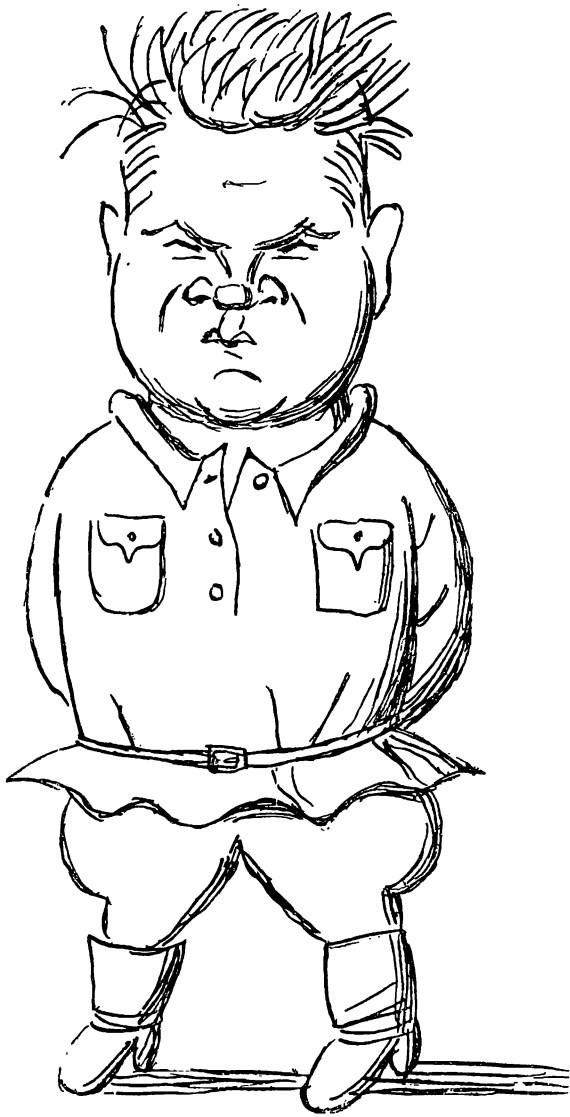
А у домработницы Маланьи был сынок, прижитый от бродяги. Сың сначала рос бродягой, а потом стал человеком.

Очень приятно культурно сесть за письменный стол, вынуть чистую стопу бумаги, обмакнуть перо в чернильницу и написать книгу.

О небе, о песке, о стрекозах, о бабочках, о травке и о людях вообще.

И свежо. И лирично.

М. ЧУМАНДРИН

ДЕЙТЧЛАНД, ДЕЙТЧЛАНД ЮБЕР АЛЛЕС

1. ФРОЛЯЙН ГРЕТХЕН

Фроляйн Гретхен подошла к тюр и захлопнула ее перед носом хозяйки.

— Унмеглих, геноссе, все подслушивают!

Мы вышли на штрассе и пошли в биргалле.

За столиком сидели арбайтер и тянули жидковатое бир из кружек. — Прозит!

— Хо-хо, киндер, — сказал облезлый старик у крайнего столика — сорок лет, как я в союзе и плачу членские взносы. Цум тейфель, к чертям! Я третий месяц не нюхал аромата хорошей сосиски. Прозит!

Над стойкой плакат: «Хойтэ — за деньги, морген — в кредит».

Мы вышли на улицу и расстались.

2. ГАНС МАРИЯ ВИЛЬГЕЛЬМ КЛОППЕРШТЮЦ

Я нагнул голову и влез в низенькую лаубе.

Небритый мужчина сидел на корточках и жарил картошку на маргарине.

— Швейне, — бормотал он, поворачивая картошку в консервной банке, служившей ему сковородкой.

— Маргарин опять подорожал на двадцать пять процентов. За что я плачу членские взносы этим бонзам?

Он налил себе и мне жидкого пива. Прозит!

3. ЭРИХ ЭРНСТ ФИЛИПП ЧАШКЕ

Мы пьем десятый бир-глас дешевого пива. Его огромные гусиные хенде покоятся на мраморном тиш.

— Когда придет наш возлюбленный вождь Адольф Гитлер, у нас будет хороший колбасный завод. Мы понаделаем сосисок из этих сволочей. Хо-хо! Я порядком поработал ножом и кастетом за эти годы. Дейтчланд, Дейтчланд юбер аллес! Хайль, Гитлер!

Прозит!!!

4 РАЙСКИЙ ФУРГОН

Я влез в темный вагон на колесах.

Фрау без нервов тихо плакала. Биттере лармен катились по ее лицу. Небритый мужчина весь в серо-рыжей щетине вздохнул и налил себе и мне жидкого пива из толстой фляше.

— Я надеюсь — перед смертью мне удастся вздремнуть на хорошей перине после фриштыка.

Прозит!

ВЯЧ. ШИШКОВ

БЕСОВСКАЯ РЕЧИЩА

Сиволапый бородатина рыгнул сперепою истовым шестикратным сибирским рыгом и, навалившись тугим купецким пузом на стол, ловко поддел железным пудовым хватом бадью с пельменями.

Митька-живопырь, оскалив с присвистом гнилозуб свой, одним махом отбил горло у четверти и выбулькал, сучий чорт, в пьяное хайло до капли.

— Туды твою растуды, — весело рыгочут гости, заеда вяленую медвежатину жирной свежеватиной с соленым огурцом...

Елпидифор сидит за столом в голубом чекмене на-распашку, соболья шкура набекрень, русы кудри в скобку, в лакированных сапогах бутылками. В голове — гудеж окаянный. В глазах — ярь сатанинская. Десятый месяц пьет.

И видит Елпидифор, как из бутылки водочной вылазит белым лебедем пышнотелая грудастая мать Секлетя. Павой плывет по столу между блюдами, солонки не заденет, плывет, спиной поводит, бровями приманивает, бедрами подрагивает.

До середины стола дошла и в судке с топленным маслом растаяла.

И вот уж расстилается перед Елпидишкой тайга кро-мешная, государыня-мать свирепая.

Бурелом таежный кругом окарежен. Прости, гос-поди, мать-троеручица, ни пройтить, ни проехать.

В тайге балка дремучая, в той балке стоит колода поднебесная, в четыре канавы врыта, четыремя стол-

бами повенчана. А на колоде той женские косы жгучие по чисту ветру раздуваются.

И вылезит из той колоды поднебесной шаманье отродье — Пустельга, девица неприкаянная, и припадает к Елпидифору, к устам его сахарным... Припала к устам и пропала. В колоду спать пошла.

Глянь — старый охальник-месяц над Изюм-рекой плывет, ясны звезды по пути шупает. А в реке шитик полощется, а в шитике он, Елпидифор, сидит с тунгуской.

У нее бедра важные и грудь колесом под алой кофтой разыгрывается. Встряла тунгус-красна-девица посреде реки да как влепит Елпидифору в правое ухо.

И пропала. На дно ушла. К водяному чертяке в гости.

Вскочил Елпидифор, да как заедет спяна в ухо отцу Хоздазату.

Рыгнул поп, зашатался. Из рта свиной окорок торчит, в руке баранья нога, на каштанах жареная. Однако от удара устоял, крикнул, хватил ведро самогону с редькой и — под стол высыпаться.

Глянул Елпидифор под стол, а там леший, сохатый дьявол, разлегся. Печень Елпидишки грызет. Рожками помахивает. А рога — из чистого золота.

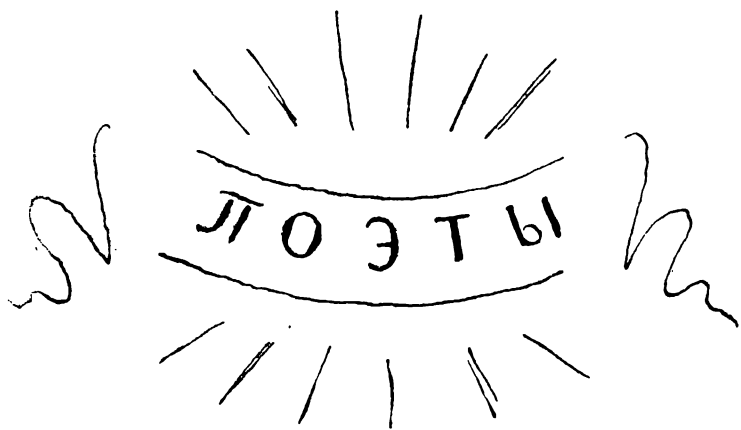
Топнул Елпидифор левой ногой — пропал леший. Лежит под столом на перине чистейшего пуха и пера лебедь пышная Секлетя грудастая. Лежит, потягивается, белые ядреные бедрашки поглаживает, а сама ведьма.

Хватил Елпидифор кованым сапогом в бок Секлетю.

Глянь, а там никого.

Фу ты, бесовское навождение, так твою растак!..

И захрапел.

НИКОЛАЙ БРАУН

РЕМОНТ СТИХА

Пора б у сосны поучиться,
Как иглы роняет она,
Как кормит волчонка волчица,
Как мужа терзает жена.

Какой фонетический фокус
В перепеленке возник?
Чем дышат затейливый флокус
И клоп, что залез в воротник?

Я роюсь в алфавите страстно —
Предлоги лежат по гробам,
Страшилище-синтаксис властно
Тематику бьет по зубам.

Метафора спит на болоте,
Синонимы прут в облака,
И рифма дымится на взлете,
Взрывается исподтишка.

В нутре поэтическом зря,
Сшибаются метры окрест,
Валяются клочья хоря,
В атаку идет анапест.

Я душ принимаю из строчек,
Строчу, изрекаю, реку.
И ямба сухой молоточек
Вбивает словечко в строку.

АЛЕКСАНДР ГИТОВИЧ

Я и конь

АРТ - СТРОФЫ

Совершенно огорченный,
Как-то я зашел на дно
(Да хранит меня Буденный)
В зубы поглядеть коню.
Зверь лягал меня копытом
И презрительно храпел...
Жеребец глядел сердито
На эпоху славных дел.
Обдувал нас ветер юга,
Тер я стремя наждаком,
И дрожала от испуга
Пятка вместе с каблуком.
Совершенно стали рядом
Конь, конюшня, бурный век, —
И коня могучим взглядом
Укрощает человек.
Конь меня ласкает брюхом,
Я вдеваю удила, ~
И эпоха чутким слухом
Ловит славные дела.

БОРИС КОРНИЛОВ

ПОРТРЕТ ГЕРОЯ

На плечах его — рубашка,
На грудях его — часы.
Промеж ребер бьется фляжка,
Набекрень лежат волосы.
Подминает он сразгону
Заливного поросля,
Сорок ведер самогону
И в сметане карася.
Рожа сквозь лоснится салом,
Ходит в стужу без пальта,
Может смазать по сусалам,
Дать хорошего «винта».
Ухмыляется погано,
Кроет в бога, в душу, в кровь,
Сорок два при ём нагана
Попадают в глаз и в бровь.
Он заносит ногу вправо —
Море Черное кругом,
В стольный город Балаклаву
Попадает сапогом.
Он заносит влево ногу,
Сам собою голубой —
Попадает в Кондопогу,
Зачинает мордобой.

В мышцах ходит сила бычья,
Чернозем лежит в зрачках,
Под ногами — шкура птичья,
Слава пышет в облаках.
Что ему калач румяный,
Шкура, баба, облака?
Он выводит стих духмяный,
Забубенная строка...

АЛЕКСАНДР ПРОКОФЬЕВ

288-я ПЕСНЯ О ЛАДОГЕ

Ой люшеньки, дид-ладо.
Сижочки — невода.
Мы прём до Петрограда,
Малинова вода.
Всадили мы до днища
В империю колун,
Ершей гуляет тыща,
Да ладожский валун...
Ходил братенник к Гулю.
Он топал не в бобрах,
Он вылил в Гуле пулю,
Ой, трюли-тара-рах:
Гуляла, ножки гнуты,
По Каспию шпана,
Тальянка — футы-нуты,
Шикарны клапана...
Мы били атамана,
Мы кокали князей,
Мы грохали к Мурману
И жарили язей.
Эх, ершики-плотички,
Всемирная братва!
От ладожской водички —
Елова голова.

Медведь подрал из бора,
Нет Спаса на Руси...
Поэта от фольклора,
Республика, спаси!
Ой, трынды-брынды-ладо,
Мели — не замели,
Пожалуй, хватит Ладог,
Ой, люшеньки-люли!

АЛЕКСАНДР РЕШЕТОВ

Моя ХАТА

Бурый горох по крутым косогорам
Манька корова —
В теплом хлеву.
Хата
Горбата
За тощим забором.
Я ли, парнишка,
В той хате живу?
Мамка да тятка,
Да малый братишка,
Вика с овсом,
С лебедой
Пополам.
Эх ты, полосынька,
Горечь житышка,
Черная хата,
Клопы по углам.
Спят петухи,
И глухарь не токует,
Птички в лесу
На березе сидят.
Сидор Иваныч прилежно толкует
Утром на скотном
С гурьбой поросят.

Эй! Ни черта!
Подымаются зори.
Будет колхоз мне
Родным отцом.
Бык на лужку
И овсы на просторе,
Митька избач молодой —
Молодцом.
Вечером он те разложит газеты,
Встанет, родимые, грамоты свет,
Нивы гречихой и вилой одеты,
С печки спешит на президиум дед.

ИЛЪЯ САДОФЪЕВ

МОЕ МНЕНИЕ

•

Боритесь в классовой борьбе,
Вдыхайте дым трубы фабричной,
Живите! Радуйтесь себе
И жизни нашей необычной...
Вдыхайте классово борьбу,
Боритесь у трубы фабричной,
Вобрав фабричную трубу,
Во имя дружбы закадычной...
Фабричных труб вдыхайте дым,
Вздымайте классов двух боренье,—
Заводов дым неутомим,
Как закадычных дружб паренье...
Вдыхайте дружбу у трубы,
И дым заводов закадычный,
И пламень классовой борьбы,
И глас гудка заводов зычный...
Живите, радуйтесь себе,
Вдыхая трубы, как обычно...
Боритесь, граждане, в борьбе —
И все получится отлично.

ВИССАРИОН САЯНОВ

СИБИРСКИЙ ФАРТ

Инда был еще младенец, токмо
Зáтись ты мне сделала, Олекма.
Я, фартовый шпингалет пока,
Носом нюхал след бурундука.
По-над каторгой бродил мальчонка,
Золоту был кум и побратим,
Эх, язви-кати, Алдан-речонка,
Так-растак, теки, река Витим!
Ночь-бродяга тя захороводит,
Небо-купол вызвездив без дон,
Зверь сохатый в буреломе бродит,
Кокнет в темячко тебя чалдон.
Кокнет в темя каторжник клейменный,
Позабудешь мамку и отца,
Расклюют таежные вороны
Молодого в деле стервеца...
Ты оставишь на прощанье токмо,
В отпущенье всех твоих грехов,
Потаржную, рыжую Олекму,
Да книжонку каторжных стихов...

ВОЛЬФ ЭРЛИХ

ЯЙЦО ВСМЯТКУ

В граненой рюмке трех седых столетий
Яйцо, как зверь, угрюмо залегло.
Грохочет утро солнцем на буфете,
И в туфлях входит в комнату тепло.
Оно сидит совсем по-человечьи,
Под стулом честно ноги протянув.
Глядит на соль. На хлеб. На сыр овечий.
Подносит к рюмке человечесий клюв.
Яйцо раскрыто острым взмахом ложки.
Я веки сжал в огне. Ужели съест?
Так спину выгибают утром кошки,
Петух взлетает к ночи на насест.
Носок мой продран. Ощущаю пятку.
Я весь — железный. Мозг мой — не в бреду.
К яйцу, некруто сваренному всмятку,
Я варваром, я скифом подойду.
Я не боюсь. Я только озабочен.
Я поднимаю килограммы век.
Но аккуратен, методичен, точен,
Яйцо чужой съедает человек.

Детские печатели

$$2 \times 2 = 4$$

М. ИЛЬИН

РАССКАЗ О ПЯТИ ПАЛЬЦАХ

Когда-то, давным-давно люди не умели считать даже по пальцам.

Пальцы появились в глубокой древности, за много лет до нас с вами.

По слухам, первые пальцы появились у легендарных Адама и Евы, первых людей на земле.

Но это не совсем так.

Пальцы существовали с незапамятных времен у животных, например у обезьян.

Уже в древнем, доисторическом Вавилоне ученые бегло считали по пальцам.

— Думаете — до ста?

Ошибаетесь! Только до десяти!

В древней Ниневии догадались к пальцам на руках прибавлять и пальцы на ногах; таким образом, ассирийские ученые стали уже считать до двадцати. Очень древний султан Эмир-Али-Хан-Ибн-Оглы бегло делал несложное сложение и вычитание, а старый седой ученый грек Эвклид, живший давным-давно в Греции, открыл после бессонных ночей основу таблицы умножения, а именно, что дважды два — четыре. Древнейшая

таблица умножения была высечена на так называемом паросском мраморе, а теперь таблицы печатаются на так называемых тетрадках.

C. МАРШАК

МИСС ТАБЛИСТЕР

Если вас
Заедает
Скука,
Вам поможет
В беде
Наука.
В Токио, в Вене,
В Шанхае,
В Калькутте,
В вагоне,
В загоне,
В купе
И в каюте,
По всем городам
Месье и мадам,
Фрекен и фру
Эту веселую
Знают игру.
В Нью-Йорке, в Алжире,
В Тимбукту, в Каире
Мистер,
Синьор,
Кабалеро
И сэр,

И гражданин
СССР —
Все повторяют
Короткую весть:
Дважды два,
Говорят,
Четыре,—
Дважды три,
Уверяют,
Шесть.
Рим и Полтава,
Тула и Ницца,
Диксон холодный
И жаркий Тифлис —
Все повторяют тебя,
Таблица,
Мисс Таблистер,
Мадам Таблис!

К. ЧУКОВСКИЙ

ТАБЛИЧКА - НЕВЕЛИЧКА

Прибежали три собачки:
Мы хотим решать задачки,
Да, задачки,
Да, задачки,
Мы решать хотим у дачки.
Прилетели две синички,
Две синички-невелички:
Не видали ль вы таблички?
А ребятки-
Жеребятки
У конюшни стали ржать:
— Даже птички,
Даже птички
Научились умножать!
Носорог пришел в движенье:
— Где таблица умноженья?
Я хочу таблицу съесть!
Шестью шесть — тридцать шесть!!
В тот же миг, вскочив с постели,
И олени, и газели,
Тигры, зяблики, форели
На «Линкольне» подоспели!
— Съесть таблицу? Неужели?

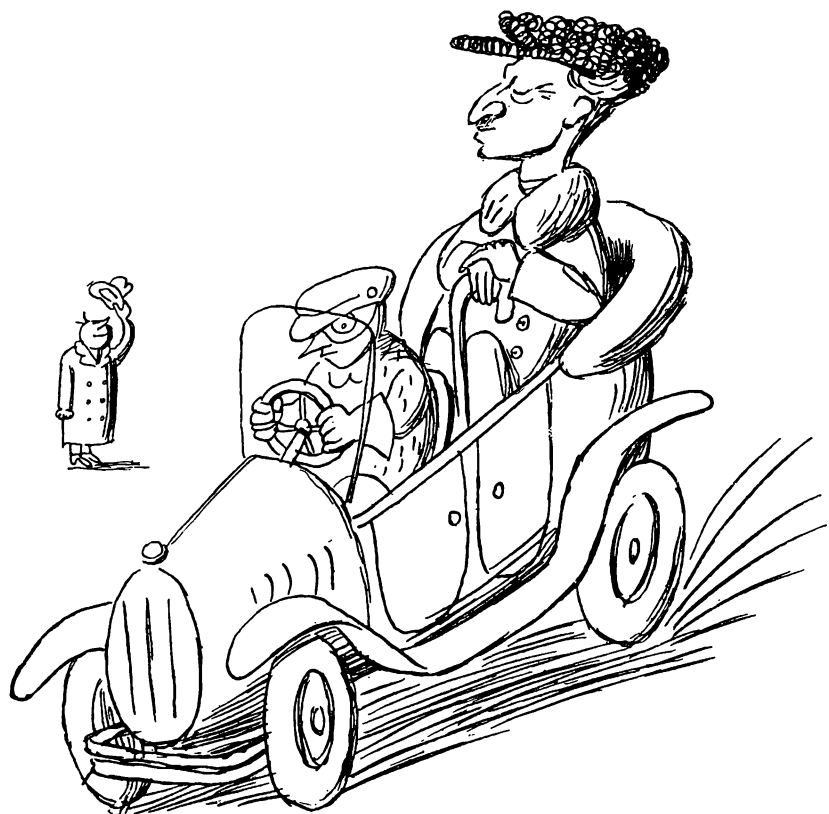
Носорог сказал:— Пардон!
Диги-диги-диги-дон!

И в Орле, и в Армавире,
В Ялте, в Пензе и в Кашире,
В целом мире
В целом мире,
Дважды два всегда — четыре!

КРИТИКИ

АНАТОЛИЙ ГОРЕЛОВ

ВЕТКА СОЦИАЛЬНОЙ СИРЕНИ

Нет, не зацветающую жизнь, не цветы, не краски, не запахи, не щебетанье певчих птиц в кустах, не великую классовую борьбу, не труд как дело чести, доблести и геройства отразил известный писатель в своей повести «Возвращенная молодость», а свое ложное мировоззрение, втиснутое в деревянные колодки идейной предвзятости.

Зощенко копошится в щелях своего затхлого заобойного клопиного мира, куда не долетают буйные бодрые всплески социалистической стройки.

Зощенко прошел по черному ходу столетий, по обомшелым ступенькам веков, и история мигом поблекла и увяла под его идейно-абстрактными конечностями.

Где священные огни коммуны? Где горящий факел интернационализма? Где беззаветный героизм миллионов?

На каком основании известный и трогательный писатель, волнуемый своим лирическим и наивным голосом, раздел своего героя—среднего пошляка профессора Волосатова и, превратив его в двуногое животное, покрытое шерстью, наделил его животным инстинктом размножения?

Где же великие социальные сдвиги? Где социаль-

ное воскрешение? Где ветка социальной сирени в новом пролетарском саду человечества?

Будучи крайне неудачной, выхолощенной, предвзятой и надуманной, повесть Зощенко является большой и волнующей победой писателя.

В его сердце будут греметь кимвалами и медью слова о выкорчевывании капитализма, и они вознесут и пронесут писателя над всеми ступеньками, порогами и закоулками его перестройки.

Н. СВЕРИН

ПОВЕСТЬ С ВЕТЕРКОМ

После прочтения многих плохих романов и повестей очень приятно прочитать хорошую повесть, от которой дует свежим ветерком.

Небольшое произведение талантливого товарища. Имярекова несомненно написано талантливо и заслуживает внимания читателя. Образы — художественные. Отделка — тщательная. Язык — хороший.

Расскажем неспеша, вкратце на 10 страницах содержание повести.

.
А теперь перейдем к вскрытию ахилессовой пяты авторской концепции:

- тов. Имяреков отмахнулся от первого,
- тов. Имяреков отвернулся от второго,
- тов. Имяреков наплевал на третье,
- тов. Имяреков не заметил того,
- тов. Имяреков оставил в тени это,
- тов. Имяреков недоучел пятого,
- тов. Имяреков упустил из виду десятое.

Все это сильно снижает ценность его свежей, с ветерком, повести.

Д. ТАМАРЧЕНКО

ПОХИЩЕНИЕ ЯЗЫКА

При всех тенденциях данного романа к историзму и недоучете загнивания капитализма на данном этапе империализма, при всеобщем кризисе капитализма, на базе мирового кризиса, в порядке социально-исторического процесса, влекущего второй тур войн и революций, обусловленный конкретной исторической стадией монополистических тенденций, картелей и трестов на базе все ухудшающейся конъюнктуры мирового капитализма, в романе не показана данная стадия загнивающего экономического монополизма, что сигнализирует наличие в романе тенденций к социально-экономическому абстрагизму, к недоучету конкретизации обстановки капитализма, к отходу от социалистического реализма как единственно правильной базы для развертывания на данном этапе картины загнивания капитализма в данной стадии мирового империализма при всеобщем кризисе капитализма.

Таковы вкратце основные недостатки первой книги романа Федина «Похищение Европы».

Зел. ШТЕЙНМАН

ДУХИ И БЕДРА

ОПЫТ КРИТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Она вздрогнула и потянулась всем телом». «Он вздрогнул и потянулся всем телом». «Она отыскала своими губами его губы». «Его зубы отыскали ее влажный подрагивающий рот».

Кто это?

Это — Борис Андреевич Лавренев, родившийся в 1892 году после рождества Христова от папы и мамы Лавреневых.

Что это?

Это — сусальная мещанская олеография. Это канареечная лирика на цыпочках. Это арцыбашевщина, пытающаяся стать литературой.

Но нет, миль пардон, гражданин Лавренев! На вас не брюки, какие носят обыкновенные смертные мужского пола. Вы — в юбке. Ваша фамилия не Лавренев, а мадам Вербицкая.

Это ее вздрагивания и подрагивания, это ее влажный алеющий рот, это ее блистающие жемчужные зубы пустили вы напрокат в ваших рассказах.

Приняли ли вы революцию с позиций торжествующего пролетариата?

Конечно, нет!!

Вы подменили глубинную тему революции громом,

дымом, треском, алыми губами, упругой женской грудью и сиреневыми кальсонами из искусственного шелка!

Вы променяли славную гражданскую войну и бой за Мироновку на чечевичную похлебку из женских духов и атласных бедер.

Опомнитесь, Борис Андреевич!

Примите тридцать капель валерианки и хотя бы одну столовую ложку брома!

Оглянитесь вокруг! Возьмите себя в руки, и вы увидите не губки, не бедра и не неумные предельно-сильные глаза, а сегодняшний день революции.

А то, честное слово, нехорошо получается, дорогой Борис Андреевич.

Ударь грудью раз, ударь два, но нельзя же до бесчувствия!

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗАИКИ

	СТР.
1. Ю. Берзин. — Возвращение Одиссейчика	7
2. Л. Борисов. — Мама, папа, дядя, тетя и другие	11
3. Н. Брыкин. — Притаившийся полковник, или Батый с бензином	15
4. Ю. Герман — Страдания молодого Генриха	19
5. А. Дмитриев. — Макар Адмиралов	23
6. М. Зощенко. — Потерянная старость	27
7. В. Каверин. — Исполненные желания	31
8. М. Казаков. — Точка, точка, запятая...	35
9. Г. Куклин — На-гора и под горой	41
10. Б. Лавренев — Желтоватое и розоватое	45
11. Ю. Либединский. — Выезд в поле	49
12. С. Марвич. — Небольшой мирок.	53
13. Н. Никитин — Много звезд на небе ясных	57
14. М. Слонимский — Средний Ильюша	61
15. Л. Соболев. — Большая починка или 2 Ливитина 2	65
16. Н. Тихонов. — Абдул-али-хан	69
17. А. Толстой. — Мин-херц-Питер	73
18. Ю. Тынянов. — Императрикс аус Мариенбург	77
19. К. Федин. — Европа по-голландски	81
20. Г. Фиш. — Моя Суоми	85
21. О. Форш. — Ла белла Флоренция	89
22. А. Чапыгин. — Зеркало вдребезги	93
23. А. Черненко. — Золотое детство	97
24. Н. Чуковский. — Повестушки вообще	101
25. М. Чумандрин. — Дейтчланд, Дейтчланд юбер аллес	105
26. В. Шишков. — Бесовская речища	109

ПОЭТЫ

1. Н. Браун. — Ремонт стиха	115
2. А. Гитович. — Я и конь	119
3. Б. Корнилов. — Портрет героя	123
4. А. Прокофьев. — 288-я песня о Ладого	127
5. А. Решетов. — Моя хата	131
6 И Садофьев. — Мое мнение	185
7. В. Саянов. — Сибирский фарт	139
8. В. Эрлих. — Яйцо всмятку	143

ДЕТСКИЕ ПИСАТЕЛИ

1. М. Ильин. — Рассказ о пяти пальцах	149
2. С. Маршак. — Мисс Таблестер	152
3. К. Чуковский. — Табличка-невеличка	157

КРИТИКИ

1. А. Горелов. — Ветка социальной сирени	163
2. Н. Свирин. — Повесть с ветерком	167
3. Д. Тамарченко — Похищение языка	168
4. Зел. Штейнман. — Духи и бедра	171

Ленгослитиздат № 693. Ленгорлит
№ 19927. Тираж 15300. Сдано в набор
16/V 35 г. Подписано к печ. 5/V11-35 г.
Бумага $62 \times 94^{1/16}$. Уч. авторских 5 ли-
стов. Бумажных лист $5^{1/2}$. Типографских
знак на 1 бум. лист. 63296. Цена 3 руб.
75 коп. Переплет 1 руб. 50 коп. Набрано
и отпечатано во 2-й типографии Транс-
желдориздата им. Лоханкова. Ленин-
град, ул. Правды, 15. Заказ № 4521.